

УДК 101.1: 316.327

АНТИУРБАНИСТИЧЕСКИЙ ТРЕНД СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

В.А. Никитин

Набережночелнинский институт (филиал) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны

Рассматриваются процессы урбанизации и деурбанизации, коррелятивные им мировоззренческие установки. Урбанизм как мировоззренческая платформа и практики акцентирует высокую ценность городской культуры. Антиурбанизм как его полярность – мировоззренческие установки и практики, получившие распространение в прошлом и настоящем.

Ключевые слова: *урбанизация, рурализация, модернизация.*

Человечество привыкло к доминирующей роли городов в нынешнем мире. Отсюда кажется, что им нет никаких альтернатив на практике и в теории. Однако согласиться с указанным тезисом нельзя. Урбанизации ныне и в прошлом противостояли ряд тенденций общественного развития и определенные аргументы, обоснованные в том числе с помощью отсылок к морали, религии и даже науке. Соответственно требуется изучать как урбанистический, так и антиурбанистический тренды в развитии нынешнего глобального общества, лежащие в основе последнего ментальные установки и объективные причины.

Росту городов в процессе становления социумов противостояла интересная тенденция: рурализация (от слова *ruralis* – сельский). Это – целенаправленный уход населения из городов в сельскую местность, вызванный различными обстоятельствами. Однако данная тенденция не исчерпывает источников деурбанизации, т. е. разрушения городов, прекращение связанных с ними форм жизни, социального общежития. Выделим причины подобного явления в чистом виде (не забывая практическую связанность, системность указанных феноменов):

– невозможность противостояния природному миру. Часто города оказывались в зонах неблагоприятного проживания людей. Так, еще на Древнем Востоке горожанам приходилось бороться с проблемой опустынивания. Некоторые городские поселения (особенно после неудачных войн) не выдерживали подобного «натиска» сил природы, их инфраструктура быстро переставала существовать. Такая судьба постигла города Тир, Ниневию и другие (так и не восстановленные населением). Не случайно на основе в том числе и подобной участи Восточных городов А. Тойнби создал теорию «Вызов–Ответ» [6], согласно которой последний вырабатывается цивилизацией в целом (но прежде всего – проживающей в городах политической, интеллектуальной элитой) путем поиска ряда мер, нейтрализующих опасности со стороны

природных сил (например, опустынивание) и иных обществ. Города, которые не смогли выработать подобный ответ на действия сил природы, исчезают из исторического процесса, а их население уходит в сельскую местность. (Впрочем, знание подобного механизма деурбанизации присутствовало уже у арабского мыслителя XIII в. Ибн Халдуна, видевшего здесь реализацию циклической зависимости «рождение–жизнь–гибель» в ее специфической, социальной, форме).

Существуют и ситуации, когда у населения городов нет времени (возможности) противостоять природной катастрофе и они в массовом порядке гибнут. Так произошло с извержением вулкана Везувий, повлекшим уничтожение древнеримского города Помпеи в 79 г. Произошедшее в 1883 г. в Индонезии извержение вулкана Кракатау (расположенного между островами Ява и Суматра) привело к гибели 36 тысяч человек, 295 городов (в т. ч. в ходе последующего цунами). По прогнозам ученых, в случае аналогичного катаклизма с Йеллоустоунским вулканом, территория США, включая места нахождения нынешних мегаполисов, станет непригодной для обитания людей на длительный период. Следовательно, в данном случае при природном катаклизме деурбанизация принимает крайнюю форму гибели как городов, так и их населения с минимальными шансами на спасение;

– вражеские нашествия, межгосударственные войны. В ходе вооруженного конфликта (и в наше время, и в далеком прошлом) в первую очередь разрушаются города как центры сопротивления противнику. Тренд характерен как для противостояния Древней Руси и Монгольской Орды XIII в., так и для Второй Мировой войны (когда сначала нацистская Германия уничтожала авиаударами города Польши, Голландии, Франции, СССР, а потом – Великобритания, США ставили себе целенаправленную задачу разрушения немецких городов, проведя наиболее разрушительную бомбардировку Дрездена в феврале 1945 г. Японские же города оказались подвергнуты США не только обычному, как Токио в марте 1945 г., но, в случае Хиросимы и Нагасаки, атомному авиаудару). США применяли подобную «тактику» деструкции городов с помощью воздушных бомбардировок и в ходе боевых действий в Корее (1950–1953 гг.), Вьетнаме (в 1965–1973 гг.), Югославии (1999 г.), Афганистане (2001 г.), Ираке (2003–2004 гг., где оказался разрушен город Эль-Фалуджа). В такой ситуации горожане, находящиеся на острие боевых действий, стремятся покинуть места традиционного проживания, уйти в пригороды или сельскую местность. В XX в. города, как птица Феникс, возрождались из пепла. После 1945 г. отстроилась разрушенная нацистской авиацией Варшава, возродились как немецкие (Гамбург, Дрезден, Любек), так и японские города (Токио, Хиросима, Нагасаки, Кобе). В прошлом деурбанизация (и рурализация как ее форма), вызванная войной, могла принять крайние формы: город либо возрождался на другом месте (рязанцы после разрушения столицы одноименного княжества си-

лами Батия в 1238 г. предпочли построить город на 45 км выше по реке Оке), либо полностью исчезал с карты мира (Тир, Ниневия);

– гражданские войны. Это – один из наиболее деструктивных для государства конфликтов. Приводит к разрушению промышленности, утечке опосредованных товарно-денежных связей города с деревней, что ведет к невозможности прокормить массу горожан (не производящих самостоятельно продукты питания). Подобные обстоятельства заставляют городских жителей идти в деревню (или заниматься с ней спорадическим бартерным товарно-продуктовым обменом), искать новую работу и пропитание, что приводит к рурализации как форме деурбанизации. Ситуация характерна для Гражданской войны в России (1917–1921 гг.). Предполагает насильственное перераспределение (с участием государства) продовольствия между городом и деревней, нормированное его распределение среди горожан (политика продразверстки у большевиков и ее аналоги, используемые в разной степени «белыми» силами). Как правило, городам приходится длительный период восстанавливаться (от демографии до товарного обмена) после подобных «потрясений»;

– религиозные конфликты. Предполагают бегство значительных масс населения из городов в сельскую местность по идейным (мировоззренческим) соображениям. В частности, после произошедшего церковного раскола (середина XVII в.), «староверы» в России предпочитали бежать из погрязших «в грехе» городов либо в деревни, либо в дальние углы страны (скиты, расположенные в тайге, лесах и т. д.). Процесс стимулировался государственными репрессиями против сторонников традиционных верований. При попытках их обратной насильственной интеграции в городской мир, предпринимаемых властями особенно активно в XVIII в., представители данной группы нередко практиковали коллективное самоубийство («самосожжение»);

– экологические катастрофы. Предполагают невозможность проживания городского населения в определенном месте по причине отсутствия для этого необходимых природных условий. Часто это связано с хозяйственной деятельностью людей. В частности, резкое обмеление Аральского моря в 1980-е гг., вызванное длительными заборами воды из питающих его рек Амударьи и Сырдарьи для нужд хлопководства в Узбекистане. Данное обстоятельство «наложилось» на соответствующие природные циклы. В итоге горожане прилегающих к Аральскому морю территорий начали спешно покидать места обитания, что привело к эколого-социальной катастрофе в регионе, внесшей свой «вклад» в распад СССР;

– техногенные катастрофы. Подобный катаклизм делает городские поселения непригодными для обитания людей. Яркий пример – судьба города Припять, где проживали сотрудники Чернобыльской АЭС с семьями. После аварии здесь в апреле 1986 г. городская территория стала не пригодной для постоянного проживания людей из-за высокого уровня

радиации, она включена в тридцатикилометровую зону отчуждения, созданную в районе станции. Население Припяти оказалось одномоментно выселено, как бы «сфотографировав» (ибо брать с собой «зараженных» вещей нельзя) для потомков советскую действительность образца 1986 г. Подобные условия сложились и в японском городе Фукусима, пострадавшем от природно-техногенной катастрофы (взрыв на АЭС, вызванный мощным цунами) в марте 2011 г. Техногенная катастрофа может приводить как к полной (окончательное покидание населенного пункта жителями), так и частичной (на короткий период) деурбанизации;

– экономическое положение. Часто уход из городов может быть вызван резким понижением уровня жизни проживающего здесь населения, невозможностью найти достойное место работы, постоянный заработок. Тогда горожане начинают массово покидать городское поселение, стремиться либо в иные города, либо в сельскую местность, что в обоих случаях порождает сложные социальные проблемы. Прибывающих из малых городов в большие надо кормить, обеспечить рабочими местами. Однако при тяжелом экономическом состоянии страны это сложно сделать и с имеющимся городским населением. Подобная ситуация, например, сложилась в США в период «Великой депрессии» 1929–1933 гг. В стране сотнями стояли «малые» заброшенные города, население которых ушло в поисках лучшей жизни в иные места [2, с. 312–313].

Как видно, причины антиурбанизма могут быть разнообразными. Они часто переплетаются между собой. Техногенная катастрофа порождает экологическую, а она делает местность непригодной для проживания горожан (что произошло с Припятью). Полную деурбанизацию может провести природа (судьба Помпей) или вражеская армия (недаром еще в древности Тир, Ниневия, Карфаген пополняли ряды городов, «стертых с лица земли» вооруженной силой). Однако указанные причины возникают ситуативно, объективно, не зависят во многом от человеческой воли. Существует и целенаправленная деурбанистическая политика, проводимая в ряде государств, отдельными общественными группами. Она тоже нуждается в подробном научно-философском, социологическом анализе.

Деурбанизм как система государственных мероприятий и его практическое проявление имеет ряд форм. Укажем их:

– ситуативный деурбанизм. Применяется, как правило, в ходе боевых действий, имеет целью не дать противнику воспользоваться инфраструктурой городов для нанесения окончательного поражения государству. Такой подход использовался еще с древности. Известно, что кочевники-скифы уничтожали собственные поселения (городов у них не было), отравляли колодцы в VI в. до н. э. перед численно превосходящими силами персов. В XIX в. подобная тактика считалась европейцами достаточно «дикой». Когда испанцы в противоборстве с Наполеоновской армией в 1808–1814 гг. уничтожали свои города, то их действия

вызывали «непонимание» у «цивилизованных» французов, которые привыкли, что иные «европейцы» сдаются после капитуляции армии и столицы на милость победителя, не разрушая городской инфраструктуры. Когда русские предпочли сжечь в 1812 г. Москву после оккупации города французами, европейцы увидели здесь новое доказательство «дикости нравов» населения Российской империи, их восточного («скифского») менталитета, хотя оснований для вывода о том, что Москва в 1812 г. подожжена специально, и не существует.

В XX в. крупнейшие государства берут на вооружение доктрину «тотальной войны» (Э. Людендорф и др.). Она означала не только применение неограниченного насилия к городам (и проживающему здесь населению) противника, но и к собственным населенным пунктам городского типа в случае угрозы занятия их врагом. В СССР в ходе отступления Красной Армии в 1941–1942 гг. там, где имелась возможность, специальные отряды НКВД или военных выводили из строя объекты промышленной инфраструктуры (заводы, электростанции, железные дороги, плотины, мосты и т. д.), уничтожали запасы продовольствия и т. д., чтобы они не достались нацистской Германии. Ее армия активно использовала тактику «выжженной земли» (в т. ч. по отношению к городам) при отступлении с территории СССР. Когда война пришла на земли собственно «Третьего рейха», А. Гитлер начал отдавать массовые приказы о разрушении немецких городов. Их буквальное претворение в жизнь лишило бы немецкий народ (и так подвергаемый бомбардировкам союзников) всяких шансов на выживание. Надо отдать должное, что часть руководства страны, как военного (Г. Гудериан, начальник Генерального штаба), так и гражданского (А. Шпеер, министр вооружений), стали саботировать подобные распоряжения, ибо они вели лишь к новым напрасным жертвам (в условиях краха государства). Гудериан и Шпеер единодушно признали, что «этот бессмысленный шаг приведет лишь к массовому обнищанию и смерти населения страны» [3, с. 474], особенно горожан, в то время как Гитлер исходил в своих разрушительных действиях из иной посылки: «Если проиграна война, то погибнет и народ. Эта судьба неотвратима» [там же, с. 476].

Впоследствии Э. Фромм в работе «Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии» [7] утверждал, что подобный деурбанизм – следствие общего стремления нацистского лидера уничтожить жизнь в любых ее проявлениях (некрофилической ориентации). Конечно, речь не только о психологии конкретного политика, но и об определенной стратегии достижения поставленных целей, которая может применяться и в настоящее время, а потому является крайне опасной.

В частности, ситуативный деурбанизм сегодня использует захватившая значительные территории в Сирии, Ираке группировка «Исламское государство». Ее адепты активно взрывают городские памятники культуры, якобы противоречащие нормам «канонического» ислама,

массово истребляют горожан, привносят в городскую жизнь средневековые нравы (массовые публичные казни и т. д.), не убирают трупы людей с городских улиц (что способствует пандемиям). Наибольшей деструкции подвергнута Пальмира, где разрушаются даже музеи.

Очень вероятно, что в случае военного поражения ИГ может применять по отношению к контролируемым городам политику, которую Гитлер хотел использовать к городам Германии в 1945 г. и человечеству придется вырабатывать меры по борьбе с ситуативным деурбанизмом, его разрушительными последствиями.

– селективный деурбанизм. Предполагает «силовую рурализацию», т. е. насильственное переселение отдельных групп горожан в сельскую местность. Целесообразно выделить национальный и политический селективный урбанизм. В первом случае в деревни с целью изоляции отправляют какие-либо этнические группы, чтобы оторвать их от городских «корней». В США в 1942 г. такой участи (как превентивной мере) подверглись японцы, в СССР в 1944 г. – ряд народов, представители которых сотрудничали с немецкими оккупационными властями.

Политический селективный деурбанизм предполагает ссылку в сельскую местность отдельных управленцев, представителей политической элиты в качестве «мягкого» наказания (по сравнению с тюремным заключением, смертной казнью). Он использовался еще в Древнем Риме. В XX в. часто применялся в КНР в годы правления Мао Цзэдуна. Подобной участи не избежал, например, будущий «архитектор» китайских «рыночных реформ» Дэн Сяопин. Иногда практика распространяется на целые группы. В 1975 г. подобным образом поступили в ДРВ после победы в длительной гражданской войне. Часть населения Южного Вьетнама (включая чиновников, военнослужащих, полицейских и др.) тоже «отправились» в сельскую местность на «перевоспитание», чтобы избавиться «от буржуазного духа», стать настоящими «строителями социалистического общества» [5, с. 87].

Селективный деурбанизм (и в национальном и в политическом вариантах) носит, конечно, принудительный характер, базируется на произволе («вина» определяется не персонально, а принадлежностью к какой-то национальной и (или) профессиональной группе). Однако выступает временной и более «мягкой» мерой в сравнении с уголовным наказанием. Выжившие в ходе пребывания в сельской местности горожане имеют шанс вернуться назад.

– полный деурбанизм. В Древнем мире предполагал либо физическое уничтожение жителей города, либо их принудительное отселение в другое место с обязательным разрушением инфраструктуры, запретом впредь селиться на этом месте как потенциально опасном. Оба примера находим в практике античного Рима. Так, во II в. до н. э. полностью истреблено население соперника Рима по средиземноморской торговле Карфагена (вспомним римского сенатора, постоянно повторявшего кол-

легам: «Карфаген должен быть разрушен»), а в I в. переселены оставшиеся в живых после поражения в Иудейской войне (красочно описанной И. Флавием) жители Иерусалима. Последний, видимо, являлся в Древнем мире своеобразным «чемпионом» по количеству «недобровольных отселений» жителей (практику начали еще до римлян правители Вавилона, потом – Персидской державы) и по длительности желания их потомков вернуться на прежнее место как жизненной установки.

В XX в. полный деурбанизм показал и новую форму. Он включает массовое силовое переселение значительной части горожан в сельскую местность как целенаправленную, долговременную политику государства. К счастью, провели ее только один раз представители захватившей власть в Кампучии радикальной марксистской группировки: т. н. «красные кхмеры». Исходили они из жесткой необходимости. Пол Пот и его отряды захватили столицу страны Пномпень в апреле 1975 г. Город оказался переполнен беженцами, которых было нечем кормить (гуманитарная помощь иностранцев не принималась по идеологическим мотивам – как у представителей «чуждого», капиталистического мира). Что делать? Логичным казалось отселить «лишних» людей в сельскую местность. Там они добудут пропитание и себе, и стране (повысив, благодаря собственной грамотности, высокой квалификации, урожайность сельскохозяйственных культур, включая главную – рис). Однако переселяться добровольно горожане не захотели. Это начали делать силой. Хотя «поселенцев» снабжали в дороге продовольствием, от смертности такая мера не спасла. По официальным данным, из 2 миллионов в «дороге» погибло только от голода (не считая жертв различных эксцессов) около 10,5 тысяч человек [5, с. 88]. Дальше – больше. На местах урожайность риса оказалась низкой, что уменьшило нормы его выдачи работающим до 250 г в день (при норме Всемирной организации здравоохранения в 450 г). Отсюда – значительная смертность в сельскохозяйственных «коммунах», куда поселили бывших горожан. Кроме того, ревнители идеологической чистоты в коммунах начали устанавливать поголовное равенство. Людей лишали даже личных вещей. Так, умереть (быть забитым мотыгами без суда) можно было за спрятанный гребень. Подобный террор тоже сокращал количество бывших горожан.

Урожай риса за три года (благодаря труду городской высококвалифицированной рабочей силы) выросли, что позволило увеличить норму потребления риса в ДРК до 500 и более грамм в день. Часть горожан-специалистов, без которых не могла существовать инфраструктура городов (железнодорожники и др.), руководство «красных кхмеров» постепенно вернуло назад. Однако в целом такая политика насильственного переселения из городов на село миллионов людей себя не оправдала. Ни по затратам (тысячи человеческих жизней), ни по результатам (урожаи риса повысились, но распределялся он все равно по норме). Города Кампучии после свержения режима «красных кхмеров» армией

ДРВ пришлось восстанавливать во многих отношениях заново, населению разрешили вернуться в них. Опыт показал: деурбанизация как временная мера имеет тенденцию становиться постоянной, длительной политикой, что ведет к опасным для государства последствиям.

В целом можно говорить о феномене деурбанизации, порождаемом как объективными социально-природными факторами, так и определенной целенаправленной политикой государства, его правящей элиты. В основе действий последней часто лежит определенное мировоззрение, феномен, именуемый некоторыми учеными «антиурбанизмом».

В.А. Нехамкин определяет «антиурбанизм» как систему теоретических построений и практических действий, негативно оценивающую роль городов в жизни людей, рассматривающую городские территории как сферу аморализма, скученности, хаоса, преступности, иных антисоциальных проявлений, настаивающую на необходимости переселения городского населения в сельскую местность. Согласиться с таким подходом полностью нельзя. Практическая деятельность государственных структур, политических организаций, лиц, направленная на борьбу с городами и порождаемым ими образом жизни, может быть охарактеризована как «деурбанизация». «Антиурбанизм» – мировоззренческая система, обосновывающая отказ от городского образа жизни как противоестественного для человека. В крайних формах призывающая к необходимости ухода из городов в иные места обитания.

Антиурбанизм достаточно условно можно разделить на религиозный и светский (гражданский). Первый, как правило, главной причиной критики городов выводит аморальность проживающего здесь населения, второй – добавляет сюда скученность людей, унификацию жизни под некие универсальные стандарты, имущественное расслоение, нарушение данными населенными пунктами, их существованием равновесия в отношениях по линии «человек–природа», «человек–социум». Рассмотрим данную позицию на конкретных примерах.

С религиозным антиурбанизмом можно встретиться в Библии. В Бытии (глава XIX, 4–5; 24–25) рассказывается, что первое наказание от Бога среди человеческих поселений понесли именно города Содом и Гоморра за чрезмерную сексуальную распущенность их жителей. В живых был оставлен только один праведник Лот со своим семейством. Создатель первого города Каин (Бытие IV, 17) убил брата Авеля (земледельца). Всемирный потоп, которым Бог желал уменьшить число грешников на Земле, тоже адресовался в первую очередь горожанам.

Неудивительно, что христианский теолог более позднего времени Бл. Августин не просто выделил два города, «Града» (Земной и Божий/Небесный), но предрек каждому из них различную судьбу. Граду Небесному суждено «вечно царствовать с Богом», а Земному – «подвергнуться вечному наказанию с Дьяволом» [1, с. 705]. Кроме «разврата», обитатели града Земного обвиняются Августином в эгоизме, веро-

ломстве, борьбе «всех против всех», отсутствии гармонии в отношениях и других преступлениях того же рода [там же, с. 711–716]. Вместе с тем богослов, несмотря на критику, редуцирует города к единственной доминирующей форме проживания людей, в том числе и в «потустороннем» мире (Царство Божие опять-таки мыслится как «Град»). Тем самым косвенно признается исключительная роль данного типа поселения в социальной истории, невозможность возвращения человечества к сельской «идиллической» (в плане нравственности) жизни (ведь Град Земной останется несовершенным вплоть до Страшного Суда). Значит, Августин в отношении будущего городов оказывался более прагматичным, чем даже некоторые философы эпохи Просвещения, подобные Ж.Ж. Руссо (у которого «идеальных» людей воспитывают вдали от городов, на лоне природы)!

Негативно отношение к городам в исламе. Одноименная 90-я сура Корана начинается с утверждения: «не клянусь этим городом!» [4, с. 487] Фактически, она призывает не доверять подобным типам поселений, его жителям.

В целом в любой религиозной системе можно найти немало критики в адрес городов, городского образа жизни за поголовный аморализм их обитателей.

Светский антиурбанизм имеет сходство с религиозным в неприятии пороков городской жизни, особенно – «несправедливости», которую демонстрируют данные типы поселений людей. Считается, что горожане живут и получают пропитание не своим трудом, а за счет деятельности селян. В частности, подобный аргумент в пользу деурбанизации приводил в 1960-е гг. один из идеологов красных кхмеров Ху Юн, утверждавший: город – «огромный насос, который выкачивает жизненные силы из кхмерской деревни. Необходимые для крестьянства товары, которые поставяет город, являются как бы наживкой. В действительности деревня дает городу больше, чем получает от него... Город – это враг, вместо того, чтобы помогать деревне, город ее безжалостно эксплуатирует...» [5, с. 27]. Из подобной «теории» делался вывод о принципиальной вине горожан перед крестьянами, необходимости их переселения в сельскую местность для реализации социального равновесия, гармонии. В действительности проведение такой политики обернулось террором, новым жертвами, а «прекрасная» цель оказалась не достигнута на практике. «Апологии» оказались в противоречии с соответствующими «технологиями».

В развивающихся странах некоторые общественные движения с аграрной идеологией указывают на противоречие городов «традиции», т. е. прошлому. В Индии сторонники группировки «Джан Сангх» призывают своих адептов вернуться на землю предков, в сельские поселения, жить там «честно» (справедливо), добывая пищу в гармонии с природой. Аналогичные организации есть не только в Индии, но и в Юж-

ной Америке. Идеологи «Джан Сангх» и им подобных движений правы в том, что горожанин отрывается от природного мира, однако игнорируют негативные последствия возвращения к истокам: падение уровня жизни, высокую смертность среди бывших горожан из-за отсутствия соответствующей медицинской помощи.

Может показаться, что отрицание городов зависит только от «несправедливости», т. е. резкого противоречия уровня жизни горожан и селян, попыток и желания (особенно в развивающихся странах) части населения уничтожить город как источник социального неравенства.

Однако необходимо отметить, что здесь лежат и более глубокие ментальные основания. В частности, В.А. Нехамкин выделил антиглобалистский менталитет как систему мировоззрения, установки которой (на уровне массового и индивидуального сознания) противоречат глобализации. Сюда входят: а) чувство локальности (человек воспринимает себя прежде всего как часть своего, замкнутого мира); б) моральная несправедливость глобализации (она несет зло и осуществляется только в интересах Запада); в) бережное отношение к природе (в противоположность рожденного в недрах западной культуры желания взять от нее «все»); г) представление о неразумном, неумеренном потреблении материальных благ в западных странах, потребности его ограничения; д) языковая автаркия (в противоположность монолингвизму западного глобального мира).

Каждый из рассмотренных элементов антиглобалистского менталитета вносит существенный вклад и в становление антиурбанизма. Как сказал еще Аристотель, «город – единство непохожих», многих. В локальном мире люди, как правило, хорошо знакомы друг другу, негативно относятся к «чужакам». Поскольку города их «притягивают», то отказ от подобного образа жизни – важное следствие принятия антиглобалистского менталитета. (Вместе с тем обойтись без городов нельзя даже антиглобалистам-практикам. В частности, в 1994 г. лидер Сапатистского фронта освобождения субкоманданте Маркос провозгласил отделение части территории штата Чьяпос от Мексики и создание там «зоны, свободной от глобализации», ее выходе из НАФТА и т. д., но и он не смог отказаться от «столицы», которой стал город Ла-Реалидад. Факт показателен. Маркоса и его идеологию поддерживали преимущественно беднейшие сельские жители, скотоводы, представители индейских племен, но даже им требовался «свой город», который бы символизировал борьбу. Следовательно, без городских поселений пока не могут существовать и наиболее радикальные антиглобалисты-практики, критикующие города Запада).

Города – средоточие западной культуры, которая одновременно и дает возможности самовыражения людям, и «подгоняет» их под единообразие (здесь едят одинаковые гамбургеры, пьют кока-колу, смотрят одни и те же голливудские фильмы и т. п.). Такие типы поселения мак-

симально разделяют индивидов, приобщившихся к данным достижениям, и остальных, не имеющих этой возможности. На первое место среди ценностных ориентаций горожан выходят эгоизм, прагматизм (в сравнении с взаимопомощью, бескорыстием в сельской местности). Отсюда в моральном плане города (особенно в эпоху глобализации) отражают худшие формы проявления социального общежития. Задача людей – уйти из подобных «каменных джунглей». Доказательство тенденции – стремление горожан проживать за пределами городов, на лоне природы, на дачах, в коттеджных поселках. Город становится лишь местом работы, зарабатывания средств, а не территорией проживания.

В городах западного типа отсутствует бережное отношения к природе. Конечно, здесь есть «зеленные участки»: парки, скверы и т. д. Однако местный ландшафт определяют типизированные здания, возвышающиеся над местностью; отходы (порождающие многочисленные свалки мусора в самом городе или его черте); воздух с превышающими предельно допустимые нормы примесями химических веществ; значительное число автомобилей, загрязняющих среду обитания; продукты с генно-модифицированными элементами (в противоположность сельской «естественной» пище). Следовательно, города – антиприродные (априродные) территории, в которых длительное пребывание человека по ряду параметров (от экологии до питания) нецелесообразно. Они нарушают равновесие в системе «человек–природа», в то время, как в сельской местности здесь царят отношения, близкие к гармонии: отходов почти не остается, ибо они входят в возобновляемый хозяйственный цикл, каждый селян стремится создать свое индивидуальное жилище, воздух свеж (чист), число автомобилей – минимально, в пищу идут преимущественно продукты «естественного» происхождения.

Города, поскольку они являются финансово-экономическими центрами, выступают в роли силы, концентрирующей (в ущерб сельской местности) ресурсы. Благодаря подобному несправедливому положению дел они активно распространяются по планете Земля. Однако когда-либо их дальнейшее расширение (путем поглощения пространства) станет невозможным. Людям придется питаться исключительно искусственно созданными (генно-модифицированными) продуктами, естественная природа, ее ландшафты будут уничтожены. Чтобы не допустить подобного сценария, человечество должно ограничить рост городов (особенно западного «потребляющего» типа), отказаться от появления новых мегаполисов, постепенно переселяться на лоно природы. Оставшиеся города, считают сторонники подобной точки зрения, станут экологически чистыми, разгруженными от отходов, грязных производств и т. д. Сама же цивилизация в целом видится как деиндустриализованная, дезурбанизированная, демилитаризованная, где «затоптать травинку – все равно что пнуть ребенка», искусственно «сокращенная» до 500–800 млн человек (с нынешних 6 млрд), а бывшие горожане уютно проживают в теплоизоли-

рованных коттеджах «с солнечными батареями на крыше» [2, с. 215–217]. Так представляется «Альтернативная цивилизация», или «единственное спасение человечества», для ученых, отрицающих города и связанный с ними образ жизни, порожденный глобализацией!

Ныне в западных городах доминирующим средством общения становится английский язык. Ситуация, с точки зрения антиглобалистов, ненормальная. Чем больше языков будет существовать в городской среде, тем лучше. Город будет превращаться в настоящее, а не искусственное «единство непохожих». Примеры такого рода уже есть в Европе. В Лондоне, Париже, Брюсселе, Нью-Йорке существуют эмигрантские районы, где говорят на языках доминирующей этнической группы. В США дело обстоит еще интереснее. Скажем, в Нью-Йоркском районе Брайтон-Бич язык «международного общения» людей, приехавших из СССР-РФ – русский, а не «американский английский» (как в «остальных» США). В Лондоне есть район с условным названием «Лондонстан», где действуют фактически законы шариата, люди общаются на арабских диалектах (хотя юридически «верховенствуют» английское право, язык). Похожая картина в Брюсселе, Льеже и Париже. Там «языковая/религиозная» свобода уже не раз (даже в 2015 г. – в январе и ноябре) провоцировала взрывы террора. Такое положение дел (несмотря на отдельные издержки), по мнению антиглобалистов, носит все-таки позитивный характер. Оно размывает стандарт городского единообразия (где горожане общаются преимущественно на английском языке), навязанный прозападной глобализацией.

Итак, отрицание городов, их доминирующей позитивной роли в истории человечества – характерная черта конца XX – начала XXI в. Это выражается, с одной стороны, в поддержке населением, социальными институтами идеи деурбанизации в ее разных формах, вплоть до требования покинуть города и массово переселиться в сельскую местность. Когда подобная установка становится фундаментом государственной политики (как было в Кампучии в 1975–1978 гг.), она ведет к максимальным социальным издержкам, человеческим жертвам, а в итоге не способна решить возникающих задач. Впрочем, деурбанизм имеет и не столь радикальные формы, которые тоже демонстрируют на практике неэффективность. Важно, что в основе подобного положения дел лежат реальные недостатки городской формы организации жизни людей, ее проблемы, противоречия. Поэтому деурбанизм целесообразно изучать и с позиции выявления отрицательных сторон подобной «технологии» социальной организации, и с точки зрения поиска решения стоящих за ней проблем.

Не менее интересен и антиурбанизм как ментальная установка, своеобразная «апология» такого порядка. Она выступает выражением умонастроений не только обездоленных сельских масс развивающихся государств (Индии, Бразилии, Венесуэлы, Боливии и др.). Антиурба-

низм берет на вооружение и антиглобализм, положениям которого отвечает критика порожденных глобализацией городов, мегаполисов. Конечно, концепции решения проблемы здесь разные. Если первые («Джан Сангх» и др.) требуют от людей уйти из городов как источников аморализма и несправедливости, игнорируя долгосрочные отрицательные последствия такого шага, то вторые предпочитают сохранить города, но сделать их экологически чистыми, ликвидировать здесь неравенство и т. д. В обоих случаях имеем на лицо утопию.

Однако деурбанизм и антиурбанизм имеют важную функцию в социальном познании, его методологии. Они (пусть и абсолютизируя некоторые моменты) показывают альтернативы урбанизации (происходящей в условиях глобализации), ее глубинные, долгосрочные, «хронические» проблемы, демонстрируют некоторые варианты их решения, потенциальные «трагические» перспективы городской цивилизации. Поэтому деурбанизм и антиурбанизм достойны изучения не только представителями социальной философии, но и иных гуманитарных наук (история, социология и др.).

Список литературы

1. Августин Бл. О Граде Божием. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. 1296 с.
2. Бестужев-Лада И.В. Альтернативная цивилизация. Единственное спасение человечества. М.: Изд-во Алгоритм, 2003. 448 с.
3. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Ростов-н/Дону: «Феникс», 1998. 544 с.
4. Коран / пер. с арабского И.Ю. Крачковского. М.: МНПП «Буква», 1991. 288 с.
5. Самородный О. Пол Пот. Камбоджа – империя на костях? М.: Алгоритм, 2013. 320 с.
6. Тойнби А. Постигжение истории. М.: Прогресс, 1991. 736 с.
7. Фромм Э. Адольф Гитлер. Клинический случай некрофилии. М.: Высшая школа, 1992. 143 с.

THE ANTI-URBAN TREND OF CONTEMPORARY CIVILIZATION: THEORY AND PRACTICE

V.A. Nikitin

Kazan Federal University Chapter in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny

The article is aimed at the analysis of urbanization and deurbanization processes, the world outlook patterns correlative to both of them. Urbanism as a world outlook and practices emphasizes the highest value of urban culture. Anti-urbanism, on the contrary, should be viewed as its polarity critical of ur-

ban culture that became widespread in history and today in the rapidly globalizing world.

Keywords: *urbanization, ruralization, modernization.*

Об авторе:

НИКИТИН Владимир Аркадьевич – преподаватель кафедры философии Набережночелнинского института (филиала) ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Набережные Челны. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru

Authors Information:

NIKITIN Vladimir Arkadievich – Lecturer of Philosophy Dept., Kazan Federal University Chapter in Naberezhnye Chelny, Naberezhnye Chelny. E-mail: nizhnekamsk@chulpan.ru